

несмотря на внутреннее, разумное тождество с природою и между собой, несмотря на бесконечную полноту всеобщего, пребывающего в каждом, относятся к природе и между собой как друг для друга внешние и чуждые; вследствие этого каждый индивид подвержен случайному влиянию внешностей; каждый индивид недостаточен, ограничен и, как все внешнее и ограниченное, подлежит разрушению и смерти. В конечности человека заключается единственный источник всех его страданий, всего претерпеваемого им. Все конечное, как конечное, предполагает свое другое, ограничивающее его, и имеет его в себе как свою границу. Все конечное, как неистинное и как имеющее свое другое в себе, изменяется и проходит. Но все ли конечное чувствует свою ограниченность и способно к страданию? Нет, чувствовать свою ограниченность и страдать может только то, что по себе, в возможности, уже возвышенно над своей ограниченностью и что поэтому есть внутреннее противоречие, стремящееся к разрешению. Вследствие этого механические и химические объекты, как только конечные и как не заключающие в себе бесконечности понятия всеобщего, не чувствуют недостатка; конечность и граница их существуют только для третьего – для сознания. «Чувство недостатка и страдание, – говорит Гегель, – есть высокое преимущество живой, органической природы. Только живое, как бесконечное в своей сущности, субстанции, во всеобщности своего понятия и как ограниченное в своей единичности, чувствует недостаток; страдание есть высокое преимущество живого над безжизненным. Животное, как тотальное в своем непосредственном единстве, всеобщности и единичности и как конечное в своем внешнем существовании, чувствует это внутреннее противоречие и стремится к его разрешению, стремится к осуществлению своей внутренней тотальности; и оно достигает этого разрешения; оно так как оно есть только непосредственное единство всеобщности и единичности, единство, существующее в нем как полнота самоощущения, а не существующее для него как самосознание, так как жизнь животного есть жизнь во внешности, то и разрешение внутреннего противоречия, удовлетворение его нужды происходит так же во внешности, как единичное, преходящее; животное достигает только преходящего удовлетворения, удовлетворения, за которым снова следует новое пробуждение нужды и новое страдание».

Как естественный, единичный организм, человек подвержен той же участи. Он так же чувствует нужду, как и животное, но, как заключающее в себе действительную возможность тотальности всеобщего, как способное к самосознанию и к неограниченной свободе в нем, человек способен к сильнейшему страданию, чем животное. Страдания его глубже, и, как действительно бесконечный в своей единичности, он может перенести бесконечное противоречие и сохраниться в нем; но в этой же бесконечности противоречия заключается и залог разрешения, уже не внешнего и не преходящего, как в животной, органической жизни, но непреходящего и бесконечного разрешения в безграничном и свободном царстве вечного духа; страдание есть необходимое условие человеческого развития; священный голос бессмертного духа, стремящегося к осуществлению своей свободы и своей бесконечности и к отрицанию чуждой ему внешности, страдание есть единственный путь очищения и освобождения для человеческого духа, – путь, по которому он возвышается над тесной и туманной сферой своей земной единичной жизни, сбрасывает с себя все брренное и преходящее и возносится в безграничное и безоблачное небо свободной и вечной мысли.

Сделаем теперь легкий обзор всему нами сказанному. В феноменологическом процессе своем сознание, начиная от чувственной достоверности, принимающей за истину многообразие чувственного единичного бытия, снялось (*hat sich aufgehoben*) как подчиненный момент в самосознании; чувственное многообразие единичного бытия улетучилось во всеобщем и низложилось до преходящего и ничтожного явления существенных и всеобщих законов как физического, так и духовного мира. Потом, нисколько не отступая от имманентного и необходимого развития самого сознания, мы увидели, что эти всеобщие законы, заключающие в себе весь бесконечный мир истины и действительности, суть не что иное, как определенные мысли, особенные всеобщности, и что эти определенные мысли суть не более как произведения осуществляющейся в них отвлеченной всеобщности познающего рассудка, так что, познавая их, рассудок познает самого себя, и сознание стало самосознанием. Таким образом мы узнали, как результат всего феноменологического процесса, что каждый единичный дух включает в себе всю бесконечную всеобщность истины, но, с другой стороны, мы видели, что единичный дух есть в то же самое время и единичный организм, конечный индивид, который, как все конечное, подвержен неизбежному рабству, разрушению и смерти; мы видели, что эта конечность есть источник страдания – страдания, которое явилось нам как необходимое условие развития и освобождения. В чем же состоит это развитие и освобождение?